

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, профессора Польшянского Дмитрия Игоревича на диссертацию Буневича Дмитрия Сергеевича «Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Польша в новейший период (1989-2013 гг.)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история.

Научная значимость и общественно-политическая актуальность темы диссертационного труда Д.С. Буневича не вызывают сомнений. Отдельные периоды отношений Республики Польша (далее РП, в самой работе автор предпочитает современный польский термин «Третья Речь Посполита») с нашей страной в посткоммунистический период с фактической стороны подробно изучались как в отечественной, так и в польской научной литературе, уделялось внимание и отдельным сторонам концептуального обоснования польской внешней политики, однако комплексное исследование концептуальных основ внешней политики РП предпринято автором впервые. Заявляя объектом своего исследования «формирование и реализацию исторически обусловленных внешнеполитических приоритетов постсоциалистической Польши» (автореферат, с. 22), Д. С. Буневич фактически совмещает оба ракурса – реализацию и концептуализацию внешней политики Варшавы с акцентом на польско-российские отношения и восточную политику РП. Целью исследования заявлено «установление исторических, социокультурных и геополитических оснований внешней политики РП, реализуемой в период 1989–2013 гг., и выявление основных “проблемных узлов” польской внешней политики данного периода» (диссертация, с. 7). Декомпозиция данной цели определяет структуру диссертации, состоящей из введения, трех исследовательских глав (каждая из четырех параграфов) и заключения. Список литературы включает 636 названий на трех языках. Автореферат адекватно и полно отражает содержание диссертации, основные выводы которой опубликованы в пяти научных статьях в рецензируемых журналах из Перечня ВАК и четырнадцати статьях в иных научных изданиях. Следует также отметить,

что Д. С. Буневичу принадлежит предисловие к переизданию на русском языке сборника произведений ведущего польского политика Романа Дмовского (1884-1939). Большинство выносимых на защиту положений и выводов работы отличается исследовательской новизной, обоснованностью и четкостью формулировок.

Введение (с.3-41) включает обзор литературы и источников по теме работы, постановку цели и задач исследования и десять тезисов, выносимых на защиту. За исключением п. 4, о котором пойдет речь ниже, раскрытию этих тезисов посвящены отдельные параграфы работы. Приводится авторская периодизация формирования внешней политики Республики Польша (1989-1993, 1993-1999, 1999-2004, 2004-2007, 2007-2013), учитывающая смену доминирующих в Польше политических сил и главные акценты внешнеполитической деятельности РП, но верхний предел (2013 г.) обоснован «резким обострением отношений РФ с Западом (с.36)».

Первую главу-«Исторические предпосылки формирования новых основ внешней политики Польши после 1989 г.» (с. 42-92)-открывает параграф о представлениях «о внешней политике в польской альтернативной политической мысли 1970-х – 1980-х гг.». Материал параграфа, с одной стороны, выходит за установленные хронологические рамки работы, с другой - ограничен фрагментарным внутривосточным материалом. Автор выделяет несколько направлений – от прямой ревизии Ялтинско-Потсдамской системы правонационалистическими кругами до «мягкого» сопротивления верхушки ПОРП прямому давлению Москвы. Среди свидетельств последнего Д. Буневич мог бы сослаться и на сочинения издателя и эссеиста Анджея Василевского (в 1986-1988 гг. – директора Польского издательского института и секретаря ЦК ПОРП), чья книга «Восток, Запад и Польша» (1985) была опубликована в СССР в 1988 г. и была первым изданием, из которого советские читатели могли узнать о «пястовской» и «ягеллонской» традициях внешней политики и других особенностях польского внешнеполитического дискурса.

Второй и третий параграфы посвящены влиянию СССР и Запада на формирование внешнеполитического курса Польши в 1980-е и в начале 1990-х гг. Показывая, что динамика польских событий вначале находилась в тесной зависимости от хода перестройки в СССР, а после 1989 г. «была полностью переориентирована на Запад: в военно-стратегическом измерении – на США, а в социально-экономическом – на ЕС» (с. 9, 91), автор иллюстрирует заявленное во введении как исследовательская новация положение, что польская внешняя политика этого времени была «не только реакцией на произошедшие после окончания холодной войны изменения, но и реализацией собственного польского внешнеполитического проекта, имевшего... глубокие исторические корни» (с. 14). Д.С. Буневич в то же время подчеркивает вклад министра иностранных дел Польши в 1989-1993 гг. К. Скубишевского как «архитектора новой польской внешней политики» (с. 63), хотя ему более подошла бы роль ее «прораба» - мастера дипломатического лавирования в обстановке распада социалистического лагеря и СССР, крушения Ялтинско-Потсдамского миропорядка и становления новой архитектуры международных отношений, в отдельные структуры которой он сумел встроить Польское государство.

В заключающем первую главу параграфе 1.4 Д.С. Буневич сопоставляет три контекста, в которых, по его мнению, происходила идентификация «новой Польши» как субъекта международных отношений – «мондиалистский» (однополярный мир во главе с США); цивилизационный (европейское сообщество, в которое «возвращается» Польша); и «неоатлантический» (объединенный Запад, форпостом которого могла стать РП) – с. 92. Эта система координат, в части первой и третьей, принадлежащая А.Г. Дугину, в Польше еще в начале 2000-х гг. вызвала острую критику краковского историка и политолога Анджея Новака, на которую автор только ссылается, не раскрывая ее сути (с. 210). На наш взгляд, если не взамен этих координат, то наряду с ними следовало бы уточнить параметры локальных контекстов идентификации Польши в рамках сложившихся структур –

Вишеградской группы, Веймарского треугольника, посткоммунистического и постсоветского пространств, объединения Германии и распада СССР, и, как бы парадоксально это ни выглядело, в приобретавшей постоянный характер усилиями обеих сторон польско-российской конфронтации. Именно в них, а не в глобальных ментальных конструкциях концептуализировались важнейшие аспекты новой польской внешней политики.

«Евроатлантическая интеграция» Польши в рамках трех первых из выделенных автором периодов – предмет второй главы работы (с.93-187), содержание которой косвенно подтверждает правоту вышеприведенных замечаний. В первом параграфе речь идет о прагматичном в высшей степени процессе приобщения РП к Североатлантическому договору, который, в свою очередь, искал себе место в новом мироустройстве, избегая резких и односторонних шагов. Автор оправданно акцентирует деятельность польского лобби в США и объединение усилий Варшавы и Праги. Рассматривая европейский вектор интеграции, Д. С. Буневич переходит с уровня политических разногласий акторов принятия политических решений на уровень общественных настроений, выделяя три группы – еврооптимистов, прагматиков и евроскептиков (с. 111-113). Внимание уделено и альтернативам евроатлантического курса Польши – предложениям Л. Валенсы по созданию НАТО-бис и П. Колодзейчика – о нейтралитете РП. Особое место занимает второй параграф о роли исторической политики в формировании общественно-политического дискурса и влиянии последнего на внешнюю политику, который, впрочем могли бы дополнить сравнение нюансов польской исторической политики в отношении Украины, Литвы и Беларуси (УЛБ). Третий параграф содержит аналитический разбор американского вектора польской внешней политики, приобретшей к 2003 г. первостепенную важность в связи с войной в Ираке и актуализацией энергетической проблематики. Правда, обрисованные без ссылок на источники и экспертные оценки блестящие перспективы польского энергетического лидерства в Европе при поддержке США (с.166) не

выглядят вполне обоснованными. Четвертый параграф посвящен рефлексии внешнеполитических сдвигов в политических элитах и общественном сознании – от дифференциации внешнеполитических программ в противостоянии либерального и традиционалистского лагерей раскола общества, «польско-польской войне», которую Л. С. Лыкошина вынесла в заглавие своей последней книги. На наш взгляд, интересно было бы выявить влияние на дифференциацию внешнеполитических предпочтений польского общества опыта новой волны польской эмиграции на Западе пребывания страны в ЕС после 2004 г.

Третья глава (с. 188-289) полностью посвящена российско-польским отношениям в контексте новой польской внешней политики. Первый из ее параграфов, на наш взгляд, избыточен как в части исторической справки о месте России в польском внешнеполитическом дискурсе начиная с XVII в., так и в экскурсе о российской геополитике (тем более, что в предыдущей главе автор уже фактически интегрировал в свое исследование построения А.Г. Дугина). Во втором параграфе российско-польские отношения рассматриваются в рамках откорректированной периодизации (1991-1993, 1994-1996, 1997-2000), в основе которой лежат события двусторонних отношений и политические изменения в России и Польше. У рецензента вызывает большое сомнение реалистичность рассмотрения в качестве альтернативы упоминаемого еще в начале работы выбора между «новой демократической Россией» и поворотом к Западу. Как показывает сам автор, новая российская политическая элита просто не замечала Польшу, как и всю Центральную Европу, оставаясь в рамках российско-американского диалога. С другой стороны, как оправданно замечает Д.С. Буневич, «польское правительство, демонстрируя свою лояльность НАТО, стало проводить откровенно пренебрежительную политику по отношению к Москве» (с. 230). После вступления Польши в НАТО принятие страны в ЕС было воспринято РФ с некоторым безразличием, на фоне которого выделялась проблема Калининграда, имевшая для Польши особое значение не только как

для пограничного с анклавом государства, но и как и для бенефициара раздела Восточной Пруссии в 1945 г. Последний параграф, озаглавленный «Концепция «восточной политики» Е. Гедройца и российско-польская конкуренция за влияние в постсоветских странах», имеет самостоятельное значение. Во-первых, он ближе всего к вынесенной в заглавие работы проблеме концептуальных основ внешней политики Польши и, во-вторых, раскрывает реальные механизмы интеграции в политику взглядов редактора парижской «Культуры» и его соратника Юлиуша Мерошевского. Автор убедительно прослеживает действия основного проводника взглядов Гедройца – президента РП в 1995-2005 гг. Александра Квасьневского и их последующей интерпретации в кругах «Права и справедливости» (ПиС) братьев Качинских и среди других польских политиков. Им показано, как внешнеполитическая программа «Культуры» в деятельности польских правящих элит стала частью конгломерата внешнеполитических концептов, восходящих к временам «второй Речи Посполитой» и используемых для обоснования ситуационно обусловленных шагов Варшавы в восточном направлении.

В Заключении автор возвращается к обоснованию двух из трех своих авторских периодизаций-формирования польской внешней политики и евроатлантической интеграции - и подводит итоги исследования, формулируя отдельные значимые выводы противоречивости мобилизованного для обоснования внешней политики идеологического наследия; о временном характере сложившегося в 1990-е гг. внешнеполитического консенсуса; о «стратегическом маятнике» восточноевропейской политики; о противоречивых результатах и «стратегической некомпетентности» польского руководства и др. Большинство выводов обосновано материалом источников и его адекватной интерпретацией, но заключающие главу прогностические оценки выглядят умозрительными и выходят за рамки задач исторического исследования. Не выглядит уместным термин «IV Речь Посполита», взятый из лексикона ПиС.

Возвращаясь к общей оценке диссертации, следует сформулировать наиболее важные замечания.

1. Поставленные исследовательские задачи следует признать в основном выполненными, однако задача 4(с. 8) – «дифференцировать исторические внешнеполитические (?) подходы, господствовавшие (?) в Третьей Речи Посполитой, и определить их влияние на дипломатию постсоциалистической Польши – во-первых, не вполне корректно сформулирована (дипломатия не тождественна внешней политике.) и, во-вторых, решена лишь частично, т.к. упомянутые подходы, за исключением «доктрины Гедройца», лишь упомянуты в работе без подробного раскрытия их содержания («прометеизм» - 10 раз, «сарматизм»- трижды). Говоря о внешнеполитических взглядах польской оппозиции 1980-х гг. автор недостаточно дифференцирует их, а также ограничивает вклад эмиграции деятельностью круга Е. Гедройца. Лишь однажды в работе упомянут Ю. Мерошевский, который внес большой вклад в формулирование «доктрины УЛБ». В отличие от их польских последователей 2000-х годов редактор «Культуры» рассматривал УЛБ в сопряжении с «русским вопросом», а Мерошевский – с германским вопросом и федерализацией Европы. Взгляды Гедройца и его коллег подвергались критике другими влиятельными деятелями эмиграции, например, основателем польской службы Радио «Свободная Европа» Е. Я. Новаком-Езёраньским. (Его книга «Восточные размышления», опубликованная по-русски в 2015 г., была признана экстремистской по решению суда г. С.-Петербурга в 2017 г.)

2. На наш взгляд, автор подошел к выбору методологического инструментария формально, перечислив общеисторические методы, сославшись на примат геополитической парадигмы и упомянув отдельные течения наук о политике и международных отношениях (с. 11-13). В результате осталось неясным, что именно автор понимает под формированием концептуальных основ внешней политики – концептуализацию практического опыта на основе определенной идеологии,

разделяемых политической элитой ценностей, признаваемого полезным или опасным опытом прошлого, или реализацию определенных идейных концептов в конкретных внешнеполитических действиях. По тексту можно установить, что Д.С. Буневич не склонен представлять внешнюю политику РП как доктринерскую (этим часто грешат геополитические построения), однако вопросы можно было бы снять, разъясним свою трактовку понятия «формирование внешнеполитических основ» на основе аппарата анализа внешнеполитического процесса в науке о международных отношениях, а не заставляя читателя догадываться, в какой методологии работает автор.

3. Что касается геополитики, то автор, как мы указали выше, предпочитает труды А. Г. Дугина и классику XIX-XX вв. из редкими исключениями (Л. Мочульский упоминается как лидер КНП, А. Новак – как оппонент А. Г. Дугина) оставляет за рамками работы собственно польскую традицию развития этого направления внешнеполитической мысли. В современной Польше издается сетевой журнал «Геополитика», ежегодно в одном из польских университетов уже десять лет созывается съезд польских геополитиков, а подробному анализу развития геополитики и ее частных концепций в РП посвящена монография Л. Сыкульского (Sykulski L. *Polskamysłgeopolityczna w latach 1989–2009*, Chorzów 2015).

4. Д.С. Буневич не включил в свой анализ деятельность организаций гражданского общества (Фонда Стефана Батория – польского филиала «Открытого общества», в руководство которого входили два министра иностранных дел Польши – А. Олеховский и Б. Геремек, фонда «Польша в Европе», среди руководителей которого – нынешний министр иностранных дел Я. Чапутович, и пр.). Влияние этих и других фондов ограничено целевыми аудиториями каждого, однако их участие в концептуализации польской внешней политики несомненно. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает деятельность Польского института международных дел и Института национальной памяти как официальных правительственных мозговых центров (автор цитирует отдельные издания этих институтов).

Высказанные выше при анализе структуры работы и ее составных частей частные замечания следует дополнить еще одним. Работа основана на добротной, достаточно полной и адекватно интерпретируемой источниковой базе, структура которой отражена во введении; автор привлек значительную литературу вопроса, однако библиографический списокоформлен, на наш взгляд, с отступлениями как от канона исторического исследования, так и от принятых библиографических стандартов. Это касается включения в раздел «Монографии, сборники, доклады» документальных изданий, мемуаров и публицистики, и объединение в разделах интернет-источников и изданий на иностранных языках разнородных по содержанию публикаций. Текст работы и справочный аппарат не свободны от опечаток.

Высказанные замечания не умаляют положительной оценки диссертации и могут быть использованы автором в дальнейшей работе.

Вывод: Диссертационное исследование Буневича Дмитрия Сергеевича «Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Польша в новейший период (1989-2013 гг.)» отвечает требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор Буневич Д. С. заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история.

Официальный оппонент, доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений
ФГБОУ ВО Ивановский государственный университет

Д. И. Польшанский

г. Иваново, 3 сентября 2018 г.

Ивановский государственный университет
ул. Ермака 39, 153025, г. Иваново
тел. (4932) 326210; (4932) 326600
E-mail: dipol53@mail.ru

Подпись Д. И. Польшанский заверяю
Специалист УК ИвГУ Д. И. П.
" 03 " 09 2018 г.

ПЕРВЫЙ ПРОРЕКТОР
ПРОРЕКТОР ПО НРИМО
С.А. СЫРБУ